

Викентий Вересаев

Художник жизни

Викентий Викентьевич Вересаев

Художник жизни

Серия «Живая жизнь», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625615

Аннотация

«В письме к одной своей приятельнице Гюстав Флобер пишет: «Я опять возвращаюсь в мою бедную жизнь, такую плоскую и спокойную, в которой фразы являются приключениями, в которой я не рву других цветов, кроме метафор». Эрнест Фейдо передал Флоберу просьбу одного своего знакомого писателя прислать ему автобиографию Флобера. Флобер отвечает: „Что мне прислать тебе, чтоб доставить удовольствие моему анонимному биографу? У меня нет никакой биографии“...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Викентий Вересаев

Художник жизни

(О Льве Толстом)

I

В письме к одной своей приятельнице Гюстав Флобер пишет: «Я опять возвращаюсь в мою бедную жизнь, такую плоскую и спокойную, в которой фразы являются приключениями, в которой я не рву других цветов, кроме метафор». Эрнест Фейдо передал Флоберу просьбу одного своего знакомого писателя прислать ему автобиографию Флобера. Флобер отвечает: «Что мне прислать тебе, чтоб доставить удовольствие моему анонимному биографу? У меня нет никакой биографии».

Так, в общем, мог бы ответить любой из писателей, особенно из писателей нашего времени, когда писательство стало специальностью. В большинстве случаев жизнь писателей сама по себе удивительно неинтересна. Обидно неинтересна. И они совершенно не заслуживают биографии. Все интересное, все глубокое и прекрасное, все живое, что в них есть они вкладывают в свои книги, и для жизни ничего не остается. Прочтите биографии Гейне или Бодлера, Ибсена или До-

стоевского, вычеркните в них все, что непосредственно относится к писательству, – и какая останется скучная, серая обыденщина! Если она иногда и прерывается каким-нибудь ярким, катастрофическим событием, то это является только случайностью, как, например, случайностью была, по собственному признанию Достоевского, его каторга.

Это отсутствие биографии у современного писателя не случайно, оно является естественным следствием писательства, как ремесла, я бы сказал, – следствием слишком высокой оценки своего писательского призвания. Писательство, это – все! Писатель прежде всего есть писатель! Бальзак поучает Теофиля Готье, что писатель должен чуждаться женщин. Готье рассказывает: единственная уступка, на которую Бальзак соглашался и то с сожалением, это, чтобы видеться с любимой женщиной по получасу в год. Переписку он допускал: «Это вырабатывает стиль». Братья Гонкуры в одном месте своего дневника высказывают сожаление о солнечном дне, отданном ими наслаждению весною вместо работы. Виктор Гюго превратил себя в своего рода заведенный механизм, существует по циферблату, чтоб ничем не нарушить правильности своей работы. В определенный час он позволяет себе небольшую прогулку, но всегда по одной и той же дороге: пойдя другим путем, можно, пожалуй, опоздать на минуту. Флобер работает по шестнадцать часов в сутки, не отрываясь от стола.

Флобер в этом отношении вообще особенно характерен.

Переписка его дает богатейший материал для характеристики душевного строя специалиста писателя. «Литература, – пишет он, – стала у меня конституциональной болезнью; нет средств избавиться от нее. Я одурел от искусства и эстетики, для меня невозможно дня прожить свободно от этой неизлечимой язвы, которая меня грызет». – «Жизнь моя, – пишет он в другом письме, – была очень плоской и благоразумной, – по крайней мере, в действии. Что касается внутренних переживаний, – о, это дело другое! Я истощился, скача на одном месте (je me suis use sur place. – курс. автора), как лошади, которых дрессируют в конюшне; это ломает им ноги». «Молодость моя, – пишет он еще, – была прекрасна по своим внутренним переживаниям. Огромная вера в себя, великолепные порывы души, что-то бурное во всей личности. У меня было сердце, широкое, как мир, и я вдыхал все ветры неба. А потом, мало-помалу, я ссохся, заработался, завял. О, я обвиняю в этом только себя! Я находил удовольствие в подавлении своих чувств и в терзании сердца. Я отталкивал человеческие опьянения, которые мне представлялись. С остервенением я с корнем вырывал из себя человека обеими руками, – обеими руками, полными силы и гордости. Из этого дерева с зеленеющей листвою я хотел сделать колонну, совершенно нагую, чтобы на вершине ее возжечь, как на алтаре, я не знаю, какое небесное пламя».

Мать Флобера однажды сказала ему:

– Чрезмерная страсть к фразам иссушила твое сердце.

И на эти убийственные слова он, высохший для жизни обожатель фраз, находит в сердце только такой отклик: «Великолепные слова! Муза должна повеситься от зависти, что не она их изобрела!»

Можно умиляться на самоотверженную жизнь таких «подвижников искусства», как их многие называют. Для меня она представляется ужасною. Где же человек с его широкими, разносторонними потребностями души, где он сам, вне его книг? Как, наконец, не понять, что и творение писателя только тогда будет проникнуто живым трепетом и светом жизни, когда жизнь самого писателя действительна, глубока, ярка, звучит всеми доступными человеку струнами? А. О. Смирнова приводит в своих записках такие слова Пушкина: «Греки, может быть, писали меньше, чем мы, и даже наверно меньше. Это и отличает их от нас, современных людей. Мы слишком литературны, – в том смысле, что мы только писатели, что мы живем вне всяких человеческих и общих интересов... Это была счастливая эпоха, когда именно мало занимались литературой, а просто жили, – и жизнь создавала произведения, отражавшие ее».

Флобер говорит: «Я истощился, скача на месте»... «У меня нет никакой биографии»... У Льва Толстого есть биография, – яркая, красивая, увлекательная биография человека, ни на минуту не перестававшего жить. Он не скакал на месте в огороженном стойле, – он, как дикий степной конь, несся по равнинам жизни, перескакивая через всякие загородки,

обрывая всякую узду, которую жизнь пыталась на него надеть... Всякую? Увы! Не всякую. Одной узды он вовремя не сумеет оборвать... Но об этом после.

Как всякий живой человек, Толстой не укладывается ни в какие определенные рамки. Кто он? Писатель-художник? Пророк новой религии? Борец с неправдами жизни? Педагог? Спортсмен? Сельский хозяин? Образцовый семьянин? Ничего из этого в отдельности, но все это вместе и, кроме того, еще много, много другого.

II

Я не буду останавливаться на детстве Толстого. В детстве все мы – живые люди; в детстве все мы, как Толстой, кипим, ищем, творим, живем. Вон даже Флобер, и тот знал в детстве «великолепные порывы души, что-то бурное во всей личности».

Вот – Толстой-юноша. Он живет в Казани; сначала готовится в университет, потом становится студентом. «Единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование», вспоминает Толстой в своей «Исповеди». – «Я старался совершенствовать свою волю, – составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя к выносливости и терпению». В «Отрочестве» он рассказывает: «Несмотря на страшную боль, я держал по пяти минут в вытянутых руках лексиконы Татищева или уходил в чулан и веревкой стегал себя по голой спине так больно, что слезы невольно выступали на глазах».

Рядом с этим – другого рода совершенствование, – фанатическое, почти религиозное самоусовершенствование в искусстве быть человеком *comme il faut*. Великолепный французский выговор, длинные, чистые ногти, уменье кланяться, танцевать и разговаривать, постоянное выражение некото-

рой изящной, презрительной скуки на лице. Однажды идет Толстой с братом по улице, навстречу едет господин, опершись руками на палку. Толстой пренебрежительно говорит брату:

– Как видно, что этот господин какая-то дрянь!

– Отчего?

– А без перчаток.

Толстой студент усердно посещает все великосветские балы и собрания, всюду танцует, ухаживает за дамами, весь отдается наслаждению жизнью. Вспоминателям и биографам очень хочется рисовать жизнь Толстого, как житие пророка. Н. П. Загоскин, в своих воспоминаниях о студенческой жизни Толстого в Казани, пишет, что Толстой «должен был» чувствовать «инстинктивный протест» против окружавшей его развращающей среды. В своей биографии Толстого П. И. Бирюков приводит эти слова Загоскина. Толстой в рукописи просматривал работу Бирюкова. И живой человек, возведенный в сан пророка, с добродушною усмешкою разрушает стройное здание своего «жития» и делает на полях рукописи такое замечание: «Никакого протеста я не чувствовал, а очень любил веселиться в казанском, тогда очень хорошем обществе». Далее Загоскин выражает удивление нравственной силе Льва Николаевича, сумевшего устоять против всех этих соблазнов. Толстой замечает: «Напротив, очень благодарен судьбе за то, что первую молодость провел в среде, где можно было смолоду быть молодым, не затрагивая непо-

сильных вопросов и живя хоть и праздною, роскошною, но не злою жизнью».

Рассеянная светская жизнь далеко не поглощает всех сил Толстого. Он в то же время много работает, читает, думает; пишет статью «О цели философии». В 1847 году он выходит из университета. Почему? Одна из причин была та, что уезжал из Казани брат его Николай; вторая причина, – очень характерная для Толстого, никогда не любившего ходить в жизни проторенными дорожками. Профессор гражданского права Меер задал ему работу, – сравнить «Наказ» Екатерины с «Духом законов» Монтескье. Толстой увлекся этой работой. «Она открыла мне, – вспоминает он, – новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».

Следующие три-четыре года Толстой проводит в Москве и Ясной Поляне. Жадно и бурно отдается наслаждению жизнью. Светские удовольствия, охота, связи с женщинами, увлечение цыганками и особенно картежная игра. Она была едва ли не самою сильною из его страстей, и случалось, проигрывался он очень жестоко. Эти периоды бурного наслаждения жизнью сменяются припадками религиозного смирения и аскетизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.